

Лицо Ли Чуаня побледнело, его красивые миндалевидные глаза прищурились, а уголки губ скривились в опасной улыбке:

— Повтори ещё раз.

Цзянь Нань подумал, что тот не согласится, замялся на мгновение и добавил:

— Я... я понимаю, что это не очень правильно.

Ты так хорошо знаешь, что это неправильно? — холодно усмехнулся в глубине души Ли Чуань.

— Ладно, — как будто собрался с духом, произнёс Цзянь Нань. — Ли, я понимаю, что эта нить дорогая. Скажите, сколько стоит метр — я куплю часть.

После этих слов в комнате словно упал градус.

Ли Чуань спокойно скрестил ноги на диване и, как будто пережёвывая каждое слово, повторил:

— Ты хочешь купить часть?

Цзянь Нань тихо кивнул:

— Да...

— Ха, — в голосе Ли Чуаня послышалась ледяная нотка. — Не продам.

Цзянь Нань понял.

Эта шёлковая нить — редкая, на вес золота; даже ничтожная ниточка ценится невероятно. Отказ неудивителен.

Его пальцы нервно сжались. Он сознавал, что, возможно, просит слишком многого. Всю жизнь у него с матерью было непросто, и он завидовал Дуну: тому теплу, которое у мальчика было когда-то — и понимал всю боль утраты. Может, ему и не следовало вмешиваться, но, будучи причастным к ситуации, он не мог остаться в стороне, когда могла быть хоть мизерная надежда.

Ободрённый этой мыслью, он попытался ещё:

— Ли, мне нужна всего лишь маленькая часть... у мешочка ведь не так много ткани, мне совсем чуть-чуть. Можно?

Ли Чуань чуть не лопнул от злости:

— С каких пор ты и Дун Цзюньин так близко подружились, а?

Цзянь Нань поежился, прикрыл взглядом нос и опустил голову:

— Маленький Дун ведь хороший человек. Этот мешочек для него важен. Я просто хочу попробовать — помочь хоть чем-то.

В Ли Чуаня взорвался странный шквал эмоций:

— Да на что ты рассчитываешь? Ты знаком с ним всего несколько дней, а уже хочешь покупать

шёлк. Если бы вы были знакомы дольше, ты бы, наверное, горы ему принес — золото, серебро!

Цзянь Нань замолчал.

Какой же он свирепый... — подумал он, и в сердце завертелась тревога: энергия Ли Чуаня была столь непреклонна, что на миг Цзянь Нань почувствовал себя так же беспомощно, как в ту ночь, когда его заставляли подписывать документы.

Он понял: тот был зол.

Но отчего именно — непонятно.

Может, Ли Чуань действительно не любит Дуна Цзюньина?

При внимательном размышлении это казалось возможным: Ли Чуань вёл себя холодно по отношению к Дуну уже раньше — и в тот день в деревне, и теперь, когда вновь зашла речь о нём.

Цзянь Нань недовольно поджал губы:

— Ты ведь сам видел, какой Сяо Дун человек. Он не из тех, у кого злой умысел, правда же?

— Людей по лицу не судят, — холодно бросил Ли Чуань. В голосе звенела кислинка ревности.
— С кем дружить — выбирай с умом. Дин Мо разве не был для тебя уроком? Столько лет прожил, а всё ума не наберешься.

После этих слов в комнате воцарилась тишина.

Цзянь Нань будто сидел на иголках. Стыд обжигал изнутри — пришёл просить о помощи, думал, Ли Чуань, хотя бы из уважения к прошлому, не откажет. А вышло просто выставить себя дураком.

Ли Чуань сам почувствовал, как в груди неприятно кольнуло.

— Цзянь Нань... — негромко позвал он.

— Я понял! — резко встал тот, низко поклонился. — Прости, что побеспокоил. Я пойду.

Он хотел уйти, но Ли Чуань рывком перехватил его запястье.

— Цзянь Нань!

Тот вскинул голову — и замер. В глазах Ли Чуаня, обычно спокойных и непроницаемых, мелькнуло нечто новое — растерянность и боль.

Пальцы на его запястье сжались крепче. Ли Чуань молчал несколько секунд, потом глухо сказал:

— Если ты так хочешь, чтобы тот мешочек отремонтировали, я найду мастера. Сам не трогай.

Глаза Цзянь Наня покраснели, но, услышав, что Ли Чуань всё-таки согласился помочь, он с трудом сдержал слёзы.

— Почему... почему ты так?

Ли Чуань раздражённо цокнул языком:

— С чего вдруг столько «почему»? Сам ведь знаешь, что шитьё у тебя не ахти. А это ценная вещь, испортишь — отвечать придётся.

— ...

Бах!

Дверь с грохотом захлопнулась. Ответом Ли Чуаню стала лишь тишина.

В коридоре быстрые шаги удалялись всё дальше — будто за спиной у Цзянь Наня гналась свора собак.

Он ворвался в свой номер.

— Что случилось? Что такое? — Дун Цзюньин даже подпрыгнул от испуга.

Цзянь Нань, глядя на его комично округлившиеся глаза, невольно улыбнулся:

— Испугал тебя?

— Не-а, — Дун поднял с пола свой мешочек. — Но у тебя глаза... красные. Ты плакал?

Цзянь Нань машинально провёл тыльной стороной ладони по лицу:

— Нет. Просто... на улице свет попал в глаза, вот и всё.

— Ага, — протянул мальчик, усаживаясь по-турецки. — Не обманывай меня, я не глупый.

Цзянь Нань выдохнул и сдался, тоже опускаясь на кровать.

Дун грустно вертел в руках кiset:

— У тебя с братом Ли что-то случилось, да? Я чувствую.

Цзянь Нань опустил взгляд, не сказав ни слова.

— Ничего, можешь рассказать, если хочешь. Я не из тех, кто лезет с расспросами, — Дун Цзюньин развалился на кресле, глядя в окно на тёмное небо. — Но если тебя кто-то обидел, говори. Дун-ге тебя прикроет.

Цзянь Нань тихо усмехнулся и покачал головой:

— Между нами с ним всё слишком запутано, не объяснишь в двух словах.

Потом, чтобы сменить тему, добавил:

— Кстати, дай-ка я взгляну на твой мешочек. Может, попробую подлатать. Правда, нитки другие, так что полностью восстановить не получится.

Глаза у Дуна тут же загорелись:

— Ты ещё и это умеешь?

— Ну да. — Цзянь Нань на секунду задумался и добавил: — Помнишь, в аэропорту ты дал мне платок?

— Ах да! — Дун хлопнул себя по лбу.

Цзянь Нань кивнул:

— Вот, я тогда и говорил — немного умею, но не мастер.

— Ничего страшного, — махнул рукой Дун. — Главное, попробуй. Получится — отлично, нет — тоже не беда.

Цзянь Нань понимал, как дорога тому эта вещь, и был решительно настроен помочь. Уже в голове прикидывал: если сам не справится, можно будет обратиться к матери — у неё наверняка получится.

Дун протянул сумочку, а потом, с хитрой улыбкой, добавил:

— Знаешь, этот мешочек вообще-то передаётся невестке семьи Дун. Так что... считай, теперь он твой.

Рука Цзянь Наня дрогнула — чуть не выронил.

Дун, видя его выражение, согнулся пополам от смеха:

— Шучу я, шучу! Ты что, и вправду поверил?

— ...

Проклятый мужик.

Наутро.

Небо сияло ослепительно-голубым, деревья стояли в свежей зелени, а в воздухе плавали лёгкие белые пушинки тополиного пуха — словно мелкий снег в солнечном мареве. Всё дышало весной, обещая спокойный, прекрасный день.

Но это «прекрасное утро» было безжалостно испорчено съёмочной группой.

— Извините, — объявил администратор отеля, — но сегодня завтрак у нас платный.

— Чего?! — вскипел Дун Цзюньин. — С какой стати?!

Тут же подошёл режиссёр вместе со съёмочной группой — а в прямом эфире уже бурлил чат:

«Сегодня снова день любви к Ли-ге!»

«А Дун как всегда — наш ходячий источник мемов!»

«Ха-ха, только зашла — уже смеюсь!»

Режиссёр поспешно поднял микрофон:

— Подождите, подождите! Послушайте меня. Вчера вы ведь ели морепродукты за счёт программы, верно? Так что сегодня завтрак будет за деньги.

Работники отеля обошли всех, раздавая по листку бумаги.

— Это ещё зачем? — нахмурился Дун.

— Всё просто, — объяснил режиссёр. — Каждый должен написать на листке своё любимое блюдо.

Все переглянулись между собой, но в конце концов взяли ручки и заполнили листы.

Режиссёр, довольный, кивнул и добавил:

— А теперь, чтобы было интереснее, сдайте телефоны. Мы случайным образом выберем по одному контакту из вашей записной книжки. Ваша задача — позвонить этому человеку и спросить, какое блюдо он любит больше всего. Если ответ совпадёт с тем, что вы написали — вы получаете право на завтрак!

— ...

На площадке повисла тишина, такая густая, что можно было ножом резать.

Сян Го радостно захлопала в ладоши:

— О, это весело!

Цзи Хуай почесал затылок:

— Но я-то толком никого не знаю... Может, мы сами выберем, кому звонить?

Дунфан Юаньхуа согласно кивнула:

— Да, правда. У кого-то в телефоне только рабочие контакты — не хотелось бы тревожить людей по ерунде.

Режиссёр оказался человеком с совестью, охотно пошёл навстречу:

— Хорошо, пусть будет так. Холостые звонят родителям или братьям/сёстрам, а женатые — мужу или жене. Как вам?

Такое условие все приняли с облегчением.

Во-первых, шанс на успех явно вырос;

во-вторых, родные уж точно не обидятся на неожиданный звонок.

И вот игра началась.

По жребию первым «жертвой» стал Дун Цзюньин — ему и пришлось звонить.

Кому? Конечно, старшему Дуну.

Чат в прямом эфире взорвался от радости:

«О, пошло! Дун-сын звонит Дун-отцу!»

«Ха-ха, сейчас снова будет “похоронил отца, пока тот на совещании”!»

«Это тот самый отец, который однажды узнал о своей смерти из новостей? Легенда!»

Телефон долго трезвонил, пока наконец на том конце не раздался низкий, хмурый голос:

— Алло.

Дун Цзюньин сдержанно, почти официально:

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Знаю. — Голос старшего Дуна оставался холодным, деловым. — Я велю секретарю Цзину перевести тебе десять миллионов. У меня совещание, потом созвонимся. И впредь, если это не что-то действительно срочное, не звони. Если вопрос неотложный, то можешь...

Щёлк! — звонок оборвался.

Все замерли.

Дун Цзюньин стоял с телефоном в руке, лицо каменное, потом выругался вполголоса — так, чтобы поняли все, кто рядом. О своём задании — спросить про любимое блюдо — он напрочь забыл.

Чат разорвался от смеха:

«Старший Дун, я ваш потерянный сын! Тоже хочу десять миллионов!»

«Я тоже готов быть похороненным, лишь бы с переводом!»

«Принц Дун, а вам подружка не нужна? Недорого!»

После такого феерического начала звонки остальных участников выглядели удивительно спокойно: все чинно, мирно, с родителями — прямо «идиллия на телефоне».

Цзянь Нань был последним — перед ним звонил Ли Чуань.

Когда очередь дошла до великого актёра, все уже предвкушали зрелище. Он выбрал номер своего отца — и чат мгновенно вспыхнул восторженными комментариями:

«О! Свёкор на связи!»

«Невестка приветствует папу!»

«Папа Ли, это я — ваша невестка!»

Сам Ли Чуань, увидев на экране имя отца, неожиданно даже вздохнул с облегчением — хотя бы не мать.

Он спокойно взял телефон у ассистента, набрал номер и прислонился к краю стола, лениво глядя в сторону.

Долгое «ту-ту-ту...» — и наконец в трубке раздался невозмутимый баритон господина Ли:

— Алло?

— Пап, — с привычным спокойствием произнёс Ли Чуань. — Один вопрос: какое блюдо я люблю больше всего?

— Ты? — отец задумался. — Эм... забыл. Подожди, я спрошу у твоей мамы.

— ...

Лицо Ли Чуаня слегка дёрнулось.

Он бы предпочёл остаться голодным до конца эфира, чем дать матери шанс взять трубку.

Но — слишком поздно.

Он потянулся, чтобы завершить звонок, однако кто-то на том конце уже успел выхватить телефон.

— Сынок, это ты? — прозвенел в трубке знакомый, слишком энергичный голос. — Ах, мама слышала, что ты там какой-то проект снимаешь, в интернете даже трансляция идёт, да?

Ли Чуань мгновенно ощутил надвигающуюся катастрофу.

— Мама, потом поговорим, я сейчас...

— Эй-эй-эй, не смей вешать трубку! — перебила она. Голос восторженный, напористый, словно маленькая гаубица. — Передай трубку Нань-Наню, я с ним хочу поговорить! Мне всё равно, придёшь ты домой или нет, но пусть Нань-Нань обязательно заглянет — я хочу его накормить!

Телефон стоял на громкой связи.

Все услышали всё до последнего слова.

Даже чат в прямом эфире, обычно гудящий как улей, вдруг затих.

Повисла абсолютная тишина.

А потом кто-то из зрителей первым осознал происходящее:

«Погодите... я ведь правильно услышал, да? Только что мать Ли сказала — пусть Нань-Нань придёт?!»

<http://bllate.org/book/12642/1121273>